

Особенностью вставного рассказа Марии о своей жизни является наличие диалога. Речь героини прерывается вопросами собеседника, который понуждает ее продолжить рассказ о жизни в пустыни, где, как выясняется, она провела 47 лет, питаясь двумя с половиной черствыми хлебцами, «зелиемь и былиемь» (3 : 206), борясь с соблазнами и очищая свою душу слезами и молитвой.

Продолжение и разрешение агиобиографии Марии связывает воедино историю святой и праведника, их линии судеб по божественной воле переплетаются, именно Зосиме уготована великая честь причастить и упокоить Марию.

Таким образом, композиционный прием «рассказ в рассказе» позволяет создателю Жития представить эталонный образ святой подвижницы, который может служить образцом для подражания не только старцу Зосиме, «украшенному» многими монашескими добродетелями, но и любому читателю – как иноку, так и мирянину, как женщине, так и мужчине. Живой голос святой, рассказывающей о своих грехах и о пути спасения, придает сочинению черты достоверности и способствует усилению эмоционального и дидактического воздействия на читателя.

Библиографический список

1. Антонова М. В., Семенюк Ю. В. Общие принципы композиционного строения славяно-русских переводных жития Киевского периода // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. Орел, 2008. № 1. С. 147–155.
2. Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятника литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 4.
3. Житие Марии Египетской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI–XII века. СПб., 2004. С. 190–215.
4. Лопарёв Хр. Византийские жития святых VIII–IX веков // Византийский временник. Т. XVII (1910 г.). СПб., 1911.

О. С. Аракчеева

Орловский государственный университет

ПОЭТИКА НАЧАЛА В ПОСЛАНИЯХ АНДРЕЯ КУРБСКОГО

XVI век можно назвать веком публицистики. Одной из самых распространенных жанровых публицистических форм в это время становится открытое послание. Именно открытый характер имеет переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского: каждый из корреспондентов создавал свое произведение не только для конкретного адресата, но и рассчитывал на общественный резонанс. Критика Курбским своего бывшего сюзерена была всеобъемлющей – от политических и духовных воззрений до нравственных норм и общей культуры. Д. С. Лихачев указывал, что Андрей Курбский «по отношению к Грозному <...> стремился занять позу человека не только более высокого в моральном отношении, но и более образованного – человека утонченной западной культуры» (2 : 203).

Вопрос о приобщенности к культуре вообще, владение нормами составления сочинений разных жанров, в том числе и эпистол, становились своеобразным

оружием в идеологическом споре Курбского и Грозного. Одним из способов демонстрации своего превосходства над невежественным царем опальный воевода делает саму форму открытых посланий. Д. Фрейданк считает, что Курбский, перебравшись за границу, имел возможность приобщиться к правилам латинской риторики и эпистолографии гуманистического периода (5 : 319). Культура составления писем в Польше, по мнению исследователя, стояла на качественно ином уровне, чем в России, поэтому опальный князь имел все основания упрекать царя в «неискусности» и нарушении норм. С нашей точки зрения, разница между древнерусской традицией составления посланий и гуманистическими эпистолярными правилами на самом деле была не столь разительной, она состояла, пожалуй, только в том, что русские книжники ориентировались на имплицитно выраженный образец, а гуманисты могли пользоваться официальными учебниками по эпистолографии, например, сочинением Эразма Роттердамского.

Исследователи поздневизантийского эпистолярного наследия указывают на наличие в традиционной эпистоле внешнего адреса (инскрипта) и собственно письма, которое имеет трехчастную структуру: прескрипт, включающий формулы приветствия и пожелания здоровья, семантему, состоящую из начальной формульной части, собственно сообщения и заключительной формульной части (См.: 1 : 12–14; 3 : 68–82).

Рассмотрим особенности формально обязательных частей начала эпистолы, поскольку их поэтика отражает определенную позицию Андрея Курбского по отношению к своему адресату.

Сразу же отметим, что в качестве инскрипта (внешнего адреса) во всех посланиях Андрея Курбского к Ивану Грозному выступает самоназвание, в котором последовательно указываются жанр произведения, автор и адресат: «Грамота Курбского царю государю из Литвы» в первой редакции (3 : 7) или «Епистолия первая Андрея Курбского, писана к великому князю Московскому прелютаго ради гонения его» во второй редакции (3 : 9); «Краткое отвещание Андрея Курбского на зело широкую епистолию князя великого Московского» (3 : 101); «На вторую епистолию отвещание цареви великому Московскому убогаго Андрея Курбского, княжати Ковельского» (3 : 106). Если первое послание в первой редакции названо «грамотой», то уже вторая редакция и более поздние сочинения именуется «епистолиями», что, возможно, есть способ подчеркнуть большую нормированность сочинений Курбского в сравнении с писаниями Грозного, которые последовательно называются «грамотами».

В самоназваниях посланий Курбского содержится также и некоторая характеристика сочинений и сочинителей. Так, поскольку первое послание Грозного было весьма пространным и, с точки зрения опального князя, нарушало риторические правила соразмерности, то в названии «ответного» второго послания он не преминул ввести указание адресату на его невежество («на зело широкую епистолию»). Самого себя автор в первом и втором посланиях именует весьма нейтрально, без обязательного самоуничижения. В третьем «отвещании» Курбский во внешнем адресе несколько не отступает от средневековых нормативов: называются в комплиментарной форме адресат и в самоуничижительной форме автор.

Итак, во всех трех посланиях присутствует указание имени автора и адресата в инскрипте, но в каждом письме эта черта формуляра представлена по-разному. В первом письме Курбский уничижительно пишет только свое имя без каких-либо регалий («Курбского» в первой редакции или «Андрея Курбского» во второй). Употребление формулы «царю государю» говорит о том, что для автора, возможно, еще важны бывшие между корреспондентами отношения вассалитета – сюзеренитета. Во втором письме Курбский использует более официальную формулу, указывая в инскрипте свое имя, но не принижая себя. К Грозному он обращается, не используя полный перечень титулов и называя всего лишь «князем великим Московским», а не царем, в чем также выражается изменившееся отношение к корреспонденту.

В инскрипте третьего послания Курбский в еще большей мере подчеркивает пропасть между собой и Иваном Грозным – он саркастически называет себя: «от убогого Андрея Курбского». Еще раз вспомним о том, что для древнерусского послания характерен элемент самоуничижения, но для Курбского употребление данного эпитета не свойственно. Чтобы понять его появление обратимся к посланиям Ивана Грозного. Мы видим, что царь в первом послании, отвечая на эпистолию Курбского, пытается следовать эпистолярным нормам, упоминая все свои титулы, а также титул самого Курбского. Во втором послании Грозного адресант подчеркнуто назван «государем», что, возможно, должно было манифестировать сохранявшееся в представлениях царя отношение к адресату как к подданному. Получается, что опальный князь в ответ, высмеивая традицию самобичевания, употребляет эпитет «убогий», как бы подражая царю в соблюдении эпистолярных норм. Адресата-царя он вновь называет официальным титулом (используя краткую форму именованья). Но в то же время подчеркивает и свою независимость, прекращение отношений государя и подданного, поскольку он теперь служит другому господину «Андрея Курбского, княжати Ковельского». С этим же связаны и своеобразные подписи в посланиях князя. В первом послании такая формула расположена практически в конце текста: указывается город («Писано во граде в Вольморе»), подчеркивается, что город этот принадлежит его королю Сигизмунду Августу: «и государя моего Августа» (3 : 8). Вкупе с замечанием инскрипта «из Литвы» указание на сюзерена можно рассматривать как напоминание Ивану Грозному, что князь уже не является его вассалом. Такого же рода подпись имеется и в третьем послании: «Писано в Полоцку государя нашего короля Стефана по сущему преодолению под Соколом во 4 день. Андрей Курбский, княжа на Ковлю» (3 : 118).

Таким образом, Андрей Курбский, в целом не отступая от эпистографического канона, использует возможности формуляра, чтобы дистанцироваться от царя.

Обращает на себя внимание и характер прескрипта в эпистолах Андрея Курбского. Так, в первом послании автор дает адресату приличествующую пространную характеристику, в которой сочетаются эпистолярно обязательное прославление и формально недопустимая хула, что выражает одну из основных идей Курбского – о делении времени правления Грозного на две половины, праведную и неправедную: «Царю от бога препрославленному, паче же во православии пресветлу явившуся, ныне же грех ради наших сопротивным обретеся» (3 : 7).

Имеется и «первичное обращение» к адресату: «царю», «о царю», однако отсутствует именование себя и обязательная уничижительная самоаттестация.

Прескрипт третьего послания весьма своеобразен. Во-первых, его трудно отделить от семантемы, мотивы прескрипта и повествовательной части присутствуют в одном и том же сегменте текста. Во-вторых, формально Курбский сохраняет все обязательные элементы, но наполняет их иным содержанием. Так, он, с одной стороны, называет адресата «великим царем», а с другой – отказывается его полностью титуловать: «Во странстве пребывающе и во убожестве от твоего гонения, титул твой величайший и должайший оставя, зане от убогих тебе, великому царю, сие непотребно, но негли от царей царем сие прилично таковые именованя со преизлишным продолжением исчитати» (3 : 106). Специфична мотивировка отказа: не подобает ничтожному человеку этого делать. Таким образом вводится обязательный самоуничижительный мотив, но бедственное положение автора спровоцировано поведением адресата. Получается интересный риторический оборот: изгнанный царем автор не решается славить того же царя по причине своего горестного положения и отсутствия желанья.

Мы убедились в том, что в своеобразном построении структурно обязательных этикетных элементов посланий Курбский, с одной стороны, не допускает серьезных отступлений от общепринятых канонов, но, с другой стороны, использует допустимые варианты, чтобы выразить свое отношение к адресату и противопоставить себя невежественному царю.

Библиографический список

1. Антонова М. В. Древнерусское послание Киевского периода. Пособие к спецкурсу. Орел, 2001.
2. Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1993. С. 183–213.
3. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1993.
4. Сметанин В. А. Эпистолология поздней Византии, прозевсис. (Конкретно-историческая часть) // Античность и Средние века. Вып. 15. Свердловск, 1978. С. 60–82.
5. Freydank D. A. M. Kurbskij und die Episolographie seiner Zeit. Offen Fragen der Kyrbksij-Forschung. Zeitschrift fur Slavistik. 1976. H. 3. S. 319.

Е. П. Гурова

Орловский государственный университет

ОБРАЗЫ ПУТИ И ДОМА В «ПОВЕСТИ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ»

Тема странствия в русской литературе представлена довольно широко и во многих случаях является сюжетообразующей основой произведения. Как известно, ее истоки берут начало в фольклорной и житийной традициях. В сказках путешествия связано прежде всего обрядом инициации, когда герой отлучается из дома, затем проходит ряд испытаний и возвращается домой с молодой прекрасной женой